

Л. В. Садовникова
ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД КАМЧАДАЛОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО УЧЕНОГО И ХУДОЖНИКА
БАРОНА ФОН КИТТЛИЦА

Публикация основана на частичном переводе труда немецкого орнитолога и художника барона Фридриха Генриха фон Киттлица «Мемуары путешествия в русскую Америку, Микронезию и по Камчатке» о кругосветном путешествии на военном шлюпе «Сенявин» в 1826–1829 гг. под командованием капитан-лейтенанта Ф. П. Литке, в котором Киттлиц участвовал от имени Российской академии наук. Исследование Камчатки в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Камчатка, немецкие ученые, Киттлиц, Штрекер, камчадалы.

L. V. Sadovnikova
THE LIFESTYLE OF THE KAMCHADALS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY
THROUGH THE EYES OF THE GERMAN SCIENTIST AND ARTIST
BARON VON KITTLITZ

The publication is based on a partial translation of the work "Memoirs of a Journey to Russian America, Micronesia and Kamchatka" by the German ornithologist and artist Baron Friedrich Heinrich von Kittlitz, about a round-the-world trip on the military sloop "Senyavin" in 1826–1829 under the command of Lieutenant Commander F. P. Litke in which Kittlitz participated on behalf of the Russian Academy of Sciences. Research of Kamchatka in the first half of the 19th century.

Keywords: Kamchatka, German scientists, Kittlitz, Strecker, the Kamchadals.

Начиная с XVIII в. немецкие ученые путешествовали по полуострову Камчатка преимущественно с научными целями. Многие из них были немцами по происхождению и работали от имени российского правительства. Их описания и отчеты до сих пор являются одними из ценнейших документов по этнографии коренных народов. Работы содержат информацию об условиях жизни и использовании природных ресурсов и служат основой для сегодняшних оценок с исторической, литературной, этнологической и научной точек зрения.

Фридрих Генрих фон Киттлиц принял участие в четвертой русской кругосветке 1826–1828 гг. на военном шлюпе «Сенявин» под руководством капитана Ф. П. Литке от имени Российской академии наук. Во время своих путешествий по Камчатке естествоиспытатель посвятил себя, прежде всего орнитологическим исследованиям, которые так же, как и его исчерпывающие описания растений, имеют научное значение и по сей день. Его художественный талант и внимание к деталям помогли создать уникальные пейзажные зарисовки и акварели природных ландшафтов, где достоверно изображены сцены из повседневной жизни местных жителей, которую он описывает подробно и эмоционально с доброжелательным интересом. Его «Мемуары путешествия в русскую Америку, Микроне-

зию и по Камчатке» особенно привлекательны сочетанием редких иллюстрированных документов, научных описаний и личных путевых впечатлений.

Обратиться к книге Киттлица меня побудило замечательное эссе Лизы Штрекер «Барон Генрих фон Киттлиц: немецкий дворянин на службе Императорской Российской Академии наук», в котором она подробно изложила биографию ученого, описала его передвижения по Камчатке и в заключение призвала дополнить описанный в статье образ. Вот что она пишет: «Вкладом в посмертное чествование обширного научного наследия фон Киттлица мог бы стать перевод его трудов на русский язык, инициировать который – цель этой публикации, тем самым расширить повествование о деятельности немецкого натуралиста на российской службе» [2, с. 92].

Прошло уже 12 лет после публикации, а книга так и остается непереведенной.

Решение отделиться от экспедиции и провести лето на Камчатке поддержал капитан Литке: «Киттлиц, рассчитывавший, что лето на Камчатке и поездки внутрь полуострова, для которых обещана ему была от областного начальства всевозможная помощь, гораздо больше могут принести пользы естественной истории, нежели плавание вместе с нами в страны

пустые и бесплодные, решился остаться здесь до нашего возвращения» [3, с. 189].

Пребывание Киттлица на Камчатке длилось в общей сложности не более полугода, и удивительно, что за такое короткое время им была проделана титаническая работа, вылившаяся в довольно объемный труд. Многочисленные статьи в научных европейских журналах, незабываемые 12 акварелей на тему Камчатки, которые он доделывал уже в Германии, одна из наиболее важных работ «24 изображения пейзажей с берегов и островов Тихого океана» (1845–1852), шесть из которых посвящены Камчатке.

Большую часть книги он посвятил описанию птиц, природы, дикоросов, но не менее интересны его зарисовки быта местного населения, к которому он относился с большим уважением и теплотой, будь то тойон, староста поселения, простой казак или обыкновенный коренной житель. Практически все местные жители, с которыми ему довелось общаться, упомянуты в книге по именам и фамилиям. Особенно высокого мнения он был об ительменах, с которыми он чаще всего контактировал. Его поражало сформированное у них веками бережное отношение к природе и животному миру. Он отмечал, что «ительмены демонстрировали крайнюю выносливость, часами быстро передвигаясь без намеков на отдышку и при этом выполняя тяжелую физическую работу».

«Одной из особенно замечательных черт характера камчадалов является то, что они не упорствуют в своих суевериях, а ставят принцип скромного сомнения наряду с тем, во что они верят. “Мы предполагаем это, но, может быть, это и не так!” эту фразу можно услышать от них чаще, чем следует ожидать в силу узости их представлений. Поскольку они меньше подвержены власти предрассудков, чем другие народы, то из их среды могли бы выйти превосходные мыслители и исследователи, если бы их природная жажда наслаждений не была препятствием для этого занятия. На самом деле, несмотря на большую оторванность от внешнего мира, в них заложено много интеллектуальной культуры; уже тот факт, что многие камчадалы совершенно по доброй воле научились читать и писать по-русски, говорит сам за себя» [1, с. 127].

Вспоминая одну из ночевков в Кошках, Киттлиц пишет:

«Это был собственно барак, вход со стороны которого существенно отличался от старокамчадалских жилищ. На верхней части крыши были уже знакомый дымоход и дверь, из ко-

торой по деревянной лестнице спускались во внутрь жилища.

Мясо освежеванной казарки, а также принесенные с собой куски убитого Карандашевым медведя, составили нам богатый ужин, во время которого мы вели разговор о двух камчатских диалектах: о языке на реке Камчатке, который распространен в большей части полуострова, и о языке, на котором говорят на Курильских островах, а именно в окрестностях мыса Лопатки. В первом языке хорошо разбирался опытный Карандашев. Оба языка, скорее диалекты, совпадают в глаголах, но отличаются в существительных в большинстве других случаев; и все же есть в них много общего. Молодой человек из Гольгино, думая, что я сплю, выразил Карандашеву изумление, что приехавший издалика чужестранец может так хорошо знать названия Курильских островов. На самом деле до этого я спросил его, известен ли ему остров Парамушир, который на большинстве географических карт считается вторым по величине на тех островах, и был крайне удивлен, узнав, что ни жители Явино, ни жители Гольгино абсолютно ничего не знают о них. Карандашев растолковал ему, что такое карта; участие молодого человека, усвоившего это до того совсем незнакомое ему понятие, – показательный пример научного осмысления, которое у коренного населения полуострова, как уже упоминалось, – нередкое явление» [там же, с. 169].

Далее Киттлиц пишет о коренном населении, которое он, на мой взгляд, по достоинству оценил и с большой симпатией отобразил в своем труде:

«Камчадалы, которым, как уже сказано, можно с большой уверенностью доверить все, кроме спиртного, привыкли в своей особенной, деликатно-сатирической манере указывать на различие, существующее в этом отношении между их поселениями и поселениями русских. Они, подобно лангобардам у Тацита, во многом пользуются превосходством благодаря своей малочисленности. Там, где живет всего четыре-пять семей, всякое воровство тотчас же раскрывается, поэтому здравая мудрость жизни побуждает людей быть и оставаться честными. Стеллер упоминает часто встречающееся у камчадалов утверждение, что вор – самый несчастный человек, потому что близкие ненавидят и избегают его. Этот вывод основан, прежде всего, на обстоятельствах, делающих невозможным сокрытие любого преступления» [там же, с. 102].

Больше всего ученого поражали действия коренного населения во время добывания продуктов питания. Это, конечно же, охота на медведя, снежного барана, рыбалка, сбор дикоросов, птичьих яиц и др. В каждом описании он отмечает их ловкость, смелость, расторопность, умение выживать в условиях дикой природы. Неизгладимое впечатление произвели на него сборщики яиц:

«Большинство гнезд, пишет Киттлиц, находятся по обеим, обращенным к открытому морю, сторонам острова, где скалы в основном вертикальные. Здесь сборщики яиц часто отваживаются на умопомрачительные спуски, так как эти отвесные стены доступны только с вершины покрытой травой скалы; опасность представляет и прибой, который поглощает берега при малейшем дуновении ветра. Удивительно, что несчастные случаи здесь редки, тем более, если учитывать, что применение веревок и других вспомогательных средств сборщикам совершенно незнакомы. Безопасность каждого человека состоит только в твердости его походки, поэтому люди предпочитают лазить босиком и носить на спине привычные сапоги-чулки, чтобы потом сразу же их снова надеть. Руками при лазании практически не пользуются, да это попросту и невозможно, руки заняты поклажей. В самом деле, поражаешься величине и весу корзин, котлов и ведер, которые по обыкновению наполняются яйцами до краев; скалу покидают только тогда, когда в посудине уже нет места. Этот хрупкий груз занимает левую руку, в то время как правая рука держит короткую палку с железным крюком, используемую для извлечения яиц из зачастую глубоких и труднодоступных расщелин. Если неожиданно попадается птица, ей быстрым движением сворачивают шею, для чего тоже требуется навык, а затем пристегивают к ремню. В зависимости от популяции птиц, опытный скалолаз может убить от семидесяти до восьмидесяти птиц в день и собрать более 100 яиц» [там же, с. 50].

И тут же он называет лучшего сборщика яиц Луку Агафонова, который отличался, по его словам, «удивительной твердостью шага и смелостью восхождения на скалистые стены» [там же, с. 47]. «Легкость, с которой они приходили и уходили, должно быть, смущала тех, кто, не доверяя своим ногам, как раз собирался спуститься к лодке, находящейся достаточно далеко под ними. Тем, кто не обучен такому делу, может показаться возмутительной безрассудностью участие бескрылого человека в явно неравной

борьбе с природой. Благополучно добравшись до лодки, мы наблюдали, как наши спутники, груженные богатой добычей, спускались с высокой вершины; при спуске по травянистой отвесной стене им даже не нужны были руки, а безопасность их движений не вызывала ни малейшего беспокойства. Это зрелище живо напомнило мне свидетельство о необыкновенном мастерстве в скалолазании, которое Стеллер приписывал коренным обитателям Камчатки» [там же, с. 48].

Киттлиц отмечает удивительную способность местных жителей в приготовлении вкусных блюд и даже деликатесов:

«Еда летом у местных жителей не только очень хорошая, но и достаточно разнообразная. Сытный, очень вкусный рыбный бульон приправляют различными суповыми травами и часто смешивают с округлыми луковичками черной сараны; но основным блюдом является, конечно же, рыба, обжаренная на железной или глиняной сковороде. При этом они не скупятся на чрезвычайно изысканный, вкусный жир чавычи, заменяющий здесь масло, а верх половины жареной рыбы обычно покрывают густыми сливками. Особым лакомством считается жир вокруг глаз крупных видов лосося, которое обычно подают гостю в специальном блюде вместе с другими блюдами. Недостатка в мясе нет, особенно в конце лета, когда бесчисленное количество уток, обитающих на болотах, линяют, и их без труда добывают с помощью палки. Кроме того, в изобилии превосходное дикое мясо горного барана и медвежатина, к которым вкуснейшим дополнением является картофель или та же сарана, обжаренная в большом количестве жира чавычи. На десерт подаются пикантные сезонные ягоды и свежие жирные сливки» [там же, с. 110].

Несмотря на скромный быт и тяжелый труд камчадалов, Киттлиц отмечает их доброжелательность и спокойный нрав. Во время охоты на медведя, снежного барана первый выстрел был за гостем, и даже если он был неудачным, охотники никоим образом не выражали своего неудовольствия, хотя для них охота была весьма важным занятием.

Будучи любознательным и наблюдательным человеком, он ходил на рыбалки и затем основательно описывал их, делая при этом зарисовки:

«На следующий день я увидел, как местные жители с необычайным умением обращаются с рыболовными снастями. Как правило это гладко обструганная палка пяти или шести

футов длиной с продольной щелью перед передним концом, в которой двигается острый железный крючок. На это устройство устанавливаются два хитроумно соединенных между собой шнура так, что когда конец палки касается рыбы, плавающей на мелководье, она тут же протыкает ее, и рыба поймана. Метание копья производилось обеими руками; в любом случае это требовало большой практики и сноровки. Я видел, как несколько мальчиков в возрасте от восьми до девяти лет практиковались в метании с огромным старанием и зачастую попытки их были тщетными; среди них было несколько взрослых мужчин, готовых прийти на помощь и исправить маленькие оплошности.

Пока мужчины ловят и вытаскивают рыбу, женщины разделяют ее и нанизывают на веревки, затем вывешивают под балаганными сушилками. На берегу озера видны многочисленные ямы, засыпанные свежей землей, в которых зарыта часть улова, предназначенная для корма собак зимой. Это та самая пресловутая «кислая рыба», которая, как говорят, во времена Стеллера была отнюдь не популярным продуктом питания для самих людей. Бегающие по берегу собаки пытаются разрывать ямы с рыбой и, чтобы отбить у них охоту, ямы застилают колючим хворостом. Я заметил, что эти ямы выкапываются, в основном, по берегам рек, хотя говорят, что это наносит вред при высоком уровне воды. На самом деле близость к воде необходима, чтобы вызвать процесс брожения рыбной массы» [там же, с. 154].

Глядя на сторожевые мостки, Киттлиц поражаюсь их предназначению и даже сделал набросок:

«В вышеупомянутой мертвой тишине посреди ужасно величественной пустыни, несмотря на ее скучное однообразие, странное впечатление производят случайные следы человеческой деятельности. К таковым относятся сторожевые мостки – примитивные сооружения из жердей, крытых досками и длинными кусками коры, которые воздвигают жители соседних с рекой деревень на песчаных отмелях изгибов реки и которые сейчас, при низком уровне воды в разгар лета видны полностью. Правда, надобности в них уже нет, и на первый взгляд даже сложно понять их предназначение. Но весной, когда река еще наводнена растаявшим снежным покровом и песчаные отмели являются довольно глубокими местами, опорные жерди этих мостков по большей части находятся под водой. Только самая верхняя часть,

где уложенные доски образуют наклонную площадку, возвышается над уровнем воды, и на ней сидит специально назначенный тойоном общины караульный, которого время от времени сменяют, и который постоянно должен следить за затопленной песчаной отмелью.

В это время года (в мае и июне) ожидается заход первой чавычи, а за ней следуют огромные косяки самого крупного и вкусного местного лосося. Выше, там, где река помелей, они ловятся в <...> рыбных запорах, и в таком дозоре нужды нет, но здесь их приходится ловить сетями, и поэтому для соответствующих местностей чрезвычайно важно как можно раньше узнать о появлении рыбы. Вылов начинается без всякого промедления, пока рыбный поток не прошел мимо ближайшего к селению участка реки. Поэтому, как только караульный замечает первую рыбу над песчаной отмелью, он тут же садится в стоящую рядом лодку и спешит с этой вестью в деревню, где все немедленно хватаются за сети, и начинается большая летняя рыбалка» [там же, с. 91–92].

Киттлиц, как и Стеллер, внимательно изучал образ Кутха – популярного героя в преданиях камчадалов:

«...Дальнейшие разговоры нашего радушного хозяина убедили нас в том, что старинные камчадалские легенды о Кутхе, которые Стеллер называет одними из важнейших, до сих пор живут в устах здешних людей, а, как можно было бы предположить, не канули в забвение со времен полного введения христианства. Правда, в них нет ничего восхваляющего или прославляющего языческого бога, который, напротив, как олицетворение человеческой чувственности, становится объектом самой безжалостной сатиры в этих легендах. Они вовсе не носят характер теософии, чье значение связано с некими представлениями о прошлом; люди просто хотят добрыми рассказами заслужить естественную награду – бессмертие. Для некоторых европейских читателей и слушателей эти байки могут показаться в какой-то степени непристойными, однако я считаю, что их не в чем упрекнуть, поскольку неприличия в них не превозносятся, а человеческие извращения, которые воспринимаются как нечто благородное и совершенное, камчадалы высмеивают в трогательной манере.

Именно это происходит в легенде о пребывании Кутха зимой на реке Тигиль, где он подвергается неслыханному колдовству. Если бы кто-то захотел оспорить эту бесконечно сатири-

ческую сказку высокого поэтического значения, мог бы стать только поверхностным критиком, так как в сказке заложена высоконравственная мораль...

Сказку об обитании Кутха в устье реки Камчатки (приключение с мышами) Роман Иванович (*Верещагин*. – Л. В. Садовникова), в отличие от Стеллера, рассказывал на свой манер, а именно, что это были не мыши, а молодые женщины, которые заигрывали с Кутхом. Несмотря на это, смысл рассказа остается неизменным, однако иносказательная драпировка и первобытная особенность отсутствуют, к тому же полностью теряется остроумная концовка, объяснение безжалостных преследований мышей людьми, погони Кутха и т. д.

Здесь мы услышали и рассказы о Кутхе, которых нет у Стеллера. Так, когда Кутх всякий раз возвращался домой из путешествий, то он трижды дарил своей жене Чаче одну и ту же довольно потрепанную вещь, которая часто играла существенную роль в его похождениях, завернутую в листья трех разных растений. Возможно, это только фрагмент более длинного рассказа, все же ему присущ сатирический характер. Вполне естественно, что излюбленные многочисленные небылицы такого рода не всегда передавались с точностью, поскольку, безусловно, вокруг Кутха и его хозяйки Чачи издавна вращается культивируемый эпический цикл [там же, с. 22].

Киттиц постоянно обращает внимание на жилища камчадалов, одежду, их гостеприимство, при этом не устает восхищаться их трудолюбием и хозяйственной смекалкой:

«Неожиданный, очень сильный дождь, который начался еще ночью, задержал меня здесь еще и 7 августа. Под вечер, когда погода улучшилась, было уже слишком поздно, чтобы отправляться в путь; и вблизи дома я занялся рисованием. Материалы к миниатюрной картине, изображающей камчатскую сельскую жизнь в это время года, которые в основных чертах появились в атласе к научному труду путешествий Литке (Париж 1835, лист 12) были собраны в основном здесь, но гравюра передана не совсем точно. На этой картине изображен боковой фасад деревянного дома, которые здесь широко распространены и имеют русское название «изба». Перед открытым окном установлен глиняный сосуд с дымокуром, чтобы немного защититься от комаров; на окружающей лужайке перед домом рядом с кухонным очагом разбита палатка от комаров, вокруг дыма которой

собираются большинство лиц женского пола. Двое из них заполняют емкости берестой и снова направляются в лес за корой. Литограф попытался придать третьей, той, что занята готовкой пищи, больше выразительности, попросив ее держать руки у огня, как бы согревая их, но это придало картине в целом холодный вид, что совершенно недопустимо в разгар сезона. Балаган на среднем фоне представляет собой сооружение, распространенное здесь повсеместно. На платформе сушилки стоит невысокий остроконечный домик, который имеет больше места для хранения провизии, чем конусообразные крыши старокамчадалских летних жилищ, встречающиеся на большинстве балаганов и в наше время. Крыша сушилки, к которой в качестве лестницы ведет ствол дерева с зарубками, делается максимально защищенной от дождя, чтобы облегчить сушку рыбы, что очень важно. Но нигде на полуострове не прибегают к копчению, столь же естественному, что было бы хорошим подспорьем, особенно влажным летом.

Конструкция домов здесь почти везде одинаковая. Она имеет русское происхождение и вытеснила использовавшиеся здесь в прошлом зимние и летние жилища камчадалов, первые из которых были подземными, остальные представляли собой сегодняшние балаганы. Изба всегда одноэтажная, с просторным сеновалом под прямоугольной крышей, крытой досками и длинными кусками коры. В стенах из бревен, поставленных одно на другое, щели тщательно заткнуты мхом; все это помещение отапливается зимой единственной большой, возведенной посреди дома, глиняной печью, которая почти всегда находится в простенке между двумя комнатами, разделенными частями дома с окнами. Комната, в которую входят через переднюю дверь, служит летом прихожей и сенями, а зимой – сараем, лестница из которого ведет на сеновал. Главная комната жилища обычно та, что ближе всего к входной двери; полы и стены – из как можно ровнее обтесанных досок, которые содержатся в чистоте и заботливо протираются; с двух сторон окна со сшитыми медвежьими кишками вместо стекол, а в углу между ними длинный, добротный сделанный стол перед похожей на диван скамьей, идущей вдоль стен, к которой, по обыкновению, прилагается пара незамысловатых деревянных табуреток. Вокруг стола обычно лежат меховые напольные покрытия, для которых, как правило, используют шкуры горных баранов.

Прибывшего гостя ведут в главную комнату, в то время как семья уходит в заднюю комнату;

хозяин и хозяйка появляются по очереди, чтобы принести еду и составить компанию гостю. Только к чаю за столом собираются все домочадцы, причем хозяйка или ее помощница берет на себя почетную миссию разливания чая и не упустит при этом случая воскликнуть в адрес гостя, выпившего, возможно, десять чашек чая кряду: "Однако мало кушали!"

В здешних местах особенно важно получать удовольствие от чаепития, а поскольку, как уже отмечалось, у большинства домохозяйств к лету настоящий чай заканчивался, то они всячески пытались найти, чем его заменить, например, настоем лепестков молодой розы, также просто смешивая теплую воду с молоком. Обычно молоко здесь в чай не добавляется; существует мнение, что даже употребление сахара портит настоящий вкус чая. Поскольку чаепитию придается здесь большое значение, в каждом достаточно состоятельном доме есть фарфоровые чашки, которые весьма дорого стоят, так как их доставляют только из Москвы сухопутным путем через Сибирь. Эти чашки, обычно плохого качества, считаются бесценными сокровищами искусства; меня же привлекала расцветка чашек, которая, безусловно, выгодно контрастирует с самодельной необработанной краской охры, собранной на горных хребтах и смешанной с медвежьим жиром, используемой для окраски всех видов изделий из дерева» [там же, с. 110].

«Уже стемнело, когда мы, наконец-то, добрались до окрестностей устья реки Авача, где некогда был довольно населенный острог – это русско-сибирское название обыкновенно употребляется здесь для обозначения поселений коренных жителей; это место еще можно было узнать по еле заметным углублениям, оставшимся от бывших камчадалских жилищ. Сохранились только пара балаганов вместе с несколькими земляными хижинами, предназначенными для временного пребывания хозяев, живших в порту. Через реку, под лесистыми скалами, был сделан так называемый запор – деревянный барьер для ловли лосося, устройство которого было почти таким же, как и на более крупных реках в глубине полуострова. В земляной хижине семьи Верещагиных нас угостили хорошим ужином из свежего, только что выловленного кижуча лососевой породы, картошки и молока, которые мы привезли с собой. Роман Иванович обратил наше внимание, что железная сковорода, на которой он жарил картошку в жиру лосося, была еще одним сувениром Кука и его товарищей, подарившим его деду» [там же, с. 22].

«Солнце как раз заходило, когда мы подъезжали к Корякам. Место находится недалеко от правого берега одноименной реки, которая дальше внизу впадает в реку Авача; 10–12 домов с прилегающими балаганами имеют опрятный и до некоторой степени зажиточный вид. Балаганы, старокамчадалские летние жилища, имеют самобытную конусовидную форму и придают местности своеобразную картину. Их используют не только как кладовые, но и как сушильни для заготовки рыбы на зиму, которую после тщательного разделывания рядами вывешивают в проветриваемом помещении между столбами, подпирающими строение. Важность такого процесса для жителей этих мест всем известна: если не хватит заготовленных таким образом зимних запасов, то наступит голод. Влажное лето, несмотря на всю проделанную работу, может легко привести к беде: развешанная на просушку рыба тухнет и, в конце концов, ее выбрасывают. Подобное может повторяться несколько месяцев подряд, и примеров тому немало; в таких случаях необходимо использовать остаток лета с удвоенными силами. Случается и так, что в осенний период в реки заходит огромное количество рыбы, и ее можно наловить в достаточном количестве, необходимом для зимы. Но и здесь все зависит от погоды, поскольку на полуострове никто не знает другого способа консервирования рыбы, кроме как заготовка впрок путем высушивания на воздухе. Засолка рыбы невозможна преимущественно из-за требуемого большого количества соли, да и коренное население относится к этому с предубеждением, издавна передаваемым по наследству; так что, даже небольшое количество соли, привезенной сюда русскими, не пользуется большим спросом.

Вокруг балаганов бегали много собак, одни были привязаны, другие бегали без привязи; их кормят здесь чаще и лучше, чем в гавани, особенно летом; обилие рыбы, которой в это время года обычно предостаточно, значительно облегчает эту заботу. Мы также видели довольно много пасшихся возле домов ухоженных коров; говорят, что лошади, которых здесь разводят сами жители, летом, в основном, живут в лесу, и если кому-то необходимо воспользоваться лошастью, он должен сначала найти и поймать ее» [там же, с. 63].

«Основной одеждой жителей Камчатки обоего пола является кухлянка. Похожее на блузку меховое платье часто используется в холодные летние дни, особенно в качестве ночной рубашки. Обычно она окрашена в рыжевато-коричне-

вый цвет на безволосой стороне, зимой же часто используются двойные пальто такого же типа с опушкой снаружи. Для путешественников, а также для людей, желающих переночевать на открытом воздухе, предусмотрена верхняя одежда из меха, называемая паркой, с капюшоном на голове и свисающим на грудь лоскутом из меха, который, откидывается на лицо; это что-то вроде кожаного домика, который окружает тело посреди снега и мороза. Основным летним платьем является так называемый камлей, сшитый из тонкой дубленой кожи, которую оставляют неокрашенной, имеет грубый покров кухлянки, но обычно имеет еще и капюшон для защиты от комаров. Брюки и сапоги-чулки летом изготавливаются из тонкой кожи, а зимой из меха. Кроме этого, носят русское полотно и китайский ситец в виде рубашек и коротких курток; женский пол пользуется привычным у русских женщин покроем одежды. Ткани в основном синего цвета (обычно избегают вещей белого цвета из-за комаров), но нередко можно встретить ткани темно-зеленого, розово-красного или коричневого цвета. Хлопчатобумажные платки носят как мужчины, так и женщины; женщины часто обматывают голову платком на русский манер. Изящные полуперчатки, о которых уже упоминал Стеллер, встречаются и в наше время, особенно у женщин на западном побережье; обычно они из черного плюша, обшитого серебром. Глядя на мои рисунки, Мертенс на обратном пути как-то сказал мне, что если этот тип перчаток станет известен в Париже, то он непременно войдет в моду. И действительно, сразу же после того, как мы показали наши рисунки в некоторых парижских кругах, мода на перчатки распространилась по всей Европе» [там же, с. 173].

В титульном списке второго тома содержится замечание о том, что на заднем плане изба справа – одна из общих банных комнат:

«Принцип здесь тот же, что и в русских банях; они необходимы в любое время года местным жителям, которые по обыкновению подвергают себя в них сильной жаре. Зимой можно наблюдать дивное зрелище, когда купальщицы, совершенно голые, окутанные теплом собственного тела, идут по снегу в полупрозрачной пелене облаков, пока постепенно становящийся ощутимым холодный воздух не вынуждает их вернуться в дом» [там же, с. 174].

«Мы медленно подплывали к тому месту, которое было видно издалека; заранее прибывший Николай Коршунов успел обеспечить потрясающий прием. Кто не знаком с обычаями, господствовавшими на реке Камчатке, тот подумал бы, что наш десант изо всех сил отбивается от врага, настолько непрерывным и сильным был огонь стрелков, приветствовавший нас на всем немалом протяжении реки. Как бы я не сопротивлялся бессмысленному сжиганию пороха, я ничего не мог сделать, кроме как присоединиться к этому радостному приему; все, что было способно стрелять на борту нашей лодки, стреляло вволю. Однако для стрелков из Ключей это был лишь еще один стимул продолжать огонь все более и более энергично; староста громко выражал свое удовольствие по этому поводу. К утру мое двуствольное ружье так раскалилось докрасна, что мне пришлось прекратить стрельбу еще на борту; в облаке порохового дыма мы вышли на берег, и пьяный от радости Николай Коршунов подошел к нам в сопровождении своего тестя, священника Михаила Колегова. Меня тотчас отвели в дом, где уже подавали чай <...> Утром за завтраком староста принес мне вчера отданную ему двустволку; он действительно искусно просверлил и расширил отверстия для зажигания. Как уже упоминалось, многие люди на полуострове замечательно ремонтируют подобного рода изделия, хотя и не имеют специальных инструментов» [там же, с. 102].

Своей статьей мне хотелось бы дополнить информацию Лизы Штрекер о деятельности естествоиспытателя и художника барона Генриха фон Киттлица, который не только провёл на Камчатке исчерпывающие научные исследования, но и оставил потомкам уникальные иллюстрации своего путешествия.

Фон Киттлиц был талантливым природоведом с проявившимися в более зрелом возрасте философскими наклонностями и не менее талантливым художником-идеалистом. К сожалению, его природная скромность, отчасти и многочисленные болезни привели к тому, что обширные знания и талант фон Киттлица не снискали ему ни славы, ни финансового благополучия.

Но я уверена, что его труды не напрасны. Обращаю внимание орнитологов, художников к его книге, в надежде, что доброе имя этого ученого еще не раз будет упомянуто в соответствующих источниках.

1. Friedrich Heinrich von Kittlitz. Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und Kamtschatka (Auszüge aus den Werken). Herausgegeben von Erich Kasten. Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications, 2011. S. 230. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=78clid=233750834&win=374&text=лиза+штрекер+китлиц>
2. *Штрекер Л.* Барон Генрих фон Киттлиц: немецкий дворянин на службе Императорской Российской Академии наук // Культуры и ландшафты северо-востока Азии. 2010. С. 61–93. URL: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/klstrecker
3. *Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». 1826–1829. М. : Географгиз, 1948. 303 с.